

Деятельность как действительность в определении человека и деятельность как познавательный конструкт

Деятельность и деятельностный подход в познании человека

А. Г. Асмолов

Исторический смысл кризиса культурно-деятельностной психологии¹

Обсуждается прошлое, настоящее и будущее культурно-деятельностного подхода как методологии, претендующей на интеграцию гуманитарного и естественно-научного, психотехнического и теоретического знания. Высказывается предположение, что смысл исторического кризиса культурно-деятельностной психологии — в рефлексии дальнейших перспектив развития, преодолении разрыва между классикой и современностью. Показывается социально-конструирующая роль культурно-деятельностной методологии.

Ключевые слова: методология, история науки, кризис в психологии, культурно-деятельностный подход, социальный конструктивизм.

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своєю кровью склеит
Двух столетий позвонки?

О. Э. Мандельштам

Кризисы — это не временное состояние,
а путь внутренней жизни.

Л. С. Выготский

В жизни каждой науки, как и в жизни человека, время от времени возникает острое переживание кризиса собственного существования. Это переживание обладает особым психотерапевтическим смыслом, который, перефразируя известную формулу Р. Декарта, может быть передан следующими словами: «Я переживаю кризис, значит, я существую». Переживание кризиса сопровождало как психологию в целом на всем пути ее развития, так и различные научные школы, исследовательские программы и теоретические направления нашей науки. Сказанное полностью относится к предпринимаемой в этой статье попытке осознания очередного кризиса культурно-деятельностной психологии.

Несколько слов о понимании кризиса. В методологии науки, как и в разных конкретных науках, существуют различные трактовки кризиса. В данной работе в контексте историко-эволюционного подхода выделяются две интерпретации кризиса: *кризис развития* — эволюционный прогресс, приводящий к росту раз-

¹ Статья написана на основе доклада на семинаре по деятельностному подходу в психологии 12 декабря 2008 г.

нообразия системы; *кризис распада* — эволюционный регресс, приводящий к уменьшению разнообразия системы, ее инкапсулированию и деградации.

В наши дни все чаще раздаются голоса о том, что культурно-деятельностная психология, как бы мы ее ни называли — культурно-историческая психология, социокультурная психология, социально-генетическая психология, деятельностный подход в психологии, теория деятельности, международные культурно-деятельностные исследования, или международные культурно-исторические гуманитарные науки, — с каждым годом все более и более превращается в историю науки, становится прошлым психологии, а не ее настоящим и будущим.

При этом речь в первую очередь идет о восприятии западными психологами современных культурно-психологических исследований в России. Чтобы не быть голословным, сошлюсь лишь на некоторые работы, вышедшие на Западе в последние десятилетия [58; 59; 60; 61; 62; 63; 66; 70; 71; 72; 73; 74; 75; 77; 79].

Когда мы порой игнорируем этот цикл исследований, отказываемся воспринимать содержащиеся в них «деконструкции» идей Л. С. Выготского, рефлексивные критические волны по отношению к школе, то, говоря о «Круге Выготского», невольно самозамыкаемся в этом круге, самоизолируемся и самозащищаемся. Стоит сказать, что *мы наследники Выготского*, и чисто психологически возникает опасность превращения учеников в стражей этого наследия. А интерпретация любой критики — посягательство на идейное наследие того или иного мыслителя, изменившего масштаб видения культуры. Существует и особая приватизация наследия идей любого ученого в форме «фамильных спецхранов». Возникает магия круга, как во многих сказках и песнях: «Встаньте, дети, встаньте в круг, ты мой друг и я твой друг». Психология начинается делиться на «**психологию в круге**» и «**психологию вне круга**».

«ВНЕ КРУГА» оказываются недооцененные и даже отвергаемые с определенной долей снобизма попытки рефлексии идейного наследия Л. С. Выготского, например критические исследования Ревекки Фрумкиной [50], историко-биографические откровения Игоря Рейфа [46].

«Вне круга» находятся также различные обращения к идеям Л. С. Выготского таких мастеров по «обниманию необъятного» и культурных героев науки, как Вячеслав Всеволодович Иванов, Роман Якобсон, Оливер Сакс.

Особое место в развитии интеллектуального пространства Л. С. Выготского занимали и занимают Жан Пиаже, Джером Брунер, Карл Прибрам, Ноэм Хомский, Ром Харре, Кеннет Герген, Стивен Тулмин. Ко всем ним относится формула: «Скажи мне, с кем ты вступаешь в диалог, и я скажу тебе, кто ты».

Одна из особенностей кризиса нашей науки — *разрыв диалога между классикой и современностью*. Рефлексия же кризиса культурно-деятельностной психологии позволяет нам выделить следующие аксиомы и риски.

Аксиома первая. Необходимость диалога, касающаяся как развития психологии в целом, так и места в этом развитии идеологии, методологии, теории и различных практик, связанных с разными вариантами культурно-деятельностного движения в мире современной психологии.

Аксиома вторая. Необходимость рефлексии мифов и понимания их истоков, а также опасностей канонизации тех или иных мыслителей. По этому поводу придерживался и всегда буду придерживаться блистательной формулы Станислава Ежи Леца: «Канонизация убивает в моих глазах человека, которого я мог бы считать святым».

Аксиома третья. Презумпция порядочности профессионалов, влюбленных в Л. С. Выготского и его школу, и понимание их мотивированности в развитии социогенетического древа идей Выготского в пространстве науки и культуры.

Последняя из аксиом помогает нам уберечься от мощного психоаналитического защитного механизма, называемого *проекцией*: этот механизм навязывает нам видение в других исследователях по меньшей мере чеховских «злоумышленников». Вследствие этого механизма мы начинаем обсуждать разнообразие идей того или иного мыслителя в стилистике оппозиционеров, ревизионистов, «революционеров», становимся заложниками имперского изоляционистского мышления. Такое мышление содержит серьезные риски научной ксенофобии, резко разделяющей мир на своих и чужих.

Оберегом от подобного стиля мышления является *толерантность при восприятии разных линий в психологии*.

От набора аксиом, необходимых для корректного ведения диалога с исследователями творческого пространства Л. С. Выготского, перейду к описанию некоторых рисков, которые ограничивают понимание и развитие этого пространства.

Риск научно-политического изоляционизма. *Он проявляется в ряде разновидностей. Среди них — риск взаимной слепоты представителей разных научных школ и подходов. Так, психологи на Западе, занимающиеся проблематикой культурно-деятельностной психологии, нередко редуцируют различные линии школ Л. С. Выготского в России исключительно к истории науки, не замечая порой, что творится в современной России. К сожалению, российские психологи платят им той же монетой. В лучшем случае они хорошо знают Майкла Коула и Джима Верча, чуть меньше знакомы с трудами Урио Энгестрема и датских коллег (см., напр.: [62; 63; 64; 66]), слабо воспринимают Алекса Козулина... совсем немного знают о Рене ван дер Веере и Яне Вальсинере [75; 76] и т. д. Это беда многих российских психологов «в кругу». В итоге возникает двоящееся видение Выготского: «Выготский за кордоном» и «Выготский в России».*

Другой разновидностью научно-политического изоляционизма является такая его крайняя форма, как *риск сектантства*. Под сектой понимаю здесь «интеллектуальное огораживание научного сообщества исключительно лишь «посвященными», имеющими право судить о Л. С. Выготском, экспертами и исследователями, говорящими на особом сленге и даже не желающими, чтобы их язык поняли. В судьбе науки существует немало примеров, когда научные школы вырождались в секты, жреческие сословия и касты. Подобная интеллектуальная и социальная инкапсуляция приводит к резкому отлету той или иной научной школы от действительности, к превращению ее в религию и тем самым к выпадению из мировых трендов развития науки.

Следующий риск — *риск юбилярного историзма*. Он проявляется прежде всего в двух ипостасях — *подмене развития науки (развития идей) историей науки; подмене истории науки дискретной канонизированной сакральной историографией, историей памятных дат, юбилеев, портретов, памятников и музеев*. Например, для понимания психоанализа крайне важен музей Зигмунда Фрейда в Вене, а для понимания аналитической психологии Карла Юнга — музей Юнга в Цюрихе. Однако при этом возникает опасность редуцирования живой истории к канонизированной сакральной истории и тем самым погребения исследовательских программ в музеях, их сдачи в архивы, мемориалы или воображаемые мавзолеи. Преклонение перед Учителями может стать ритуальным делом поклонения перед их гробами. И тогда научные школы не развиваются, а опрокидываются в прошлое почти в клиническом значении этого слова. Мы порой теряем грань и вместо преклонения перед тем или иным ученым начинаем кланяться, а по своей психологической сути «преклоняться» и «кланяться» — это два разных действия в культуре.

Риск редукции монизма к монотеизму. *Отмечу следующее: на философском уровне методологии науки выделяется монизм как установка познания. Сегодня мы являемся свидетелями жесткой критики монизма как исследовательского стиля, к которому были привержены в определенной степени Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев и многие другие исследователи. Этот стиль во многом отражает ментальность и идеологические установки советской науки. Через оптику возросшей когнитивной сложности представляется оправданным дифференцировать разные формы монизма. На мой взгляд, необходимо выделять монизм как поиск порождающего основания различных систем (например, учение Спинозы) и монизм как монотеизм. Первая форма монизма вовсе не сводит мир к одному измерению. Она означает интенцию исследователя на поиск той или иной базовой категории, используемой в качестве объяснительного принципа для анализа разнообразных феноменов (см. об этом: [54]).*

В нашем случае речь идет о познавательной нагрузке *категории деятельности* в методологии исследований, например, С. Л. Рубинштейна или А. Н. Леонтьева. При этом ни один из этих исследователей не сводил все богатство психической жизни к деятельности и не утверждал, что мы должны редуцировать любые психические явления к деятельности, подменить разнообразие жизни онтологией деятельности. Речь шла о *методологическом звучании деятельности как объяснительного принципа, как предельной категории в науке*. Весьма продуктивным и недостаточно отрефлексируемым в дискуссиях о судьбе разных вариантов деятельностного подхода в психологии было предложенное Э. Г. Юдиным [54] разведение представлений о деятельности как объяснительном принципе и деятельности как предмете исследований.

Мы же, критикуя разные варианты *деятельностного подхода*, нередко путаем гносеологический монизм с тем, во что он выродился в тоталитарной системе — *в монотеизм как веру в одного Бога*. Когда какая-то категория приобретает божественное звучание, тогда мы, как упоминалось выше, скатываемся к сектантскому мышлению. Категорически нельзя путать монизм с монотеизмом как способом объяснения реальности. Позволю выдвинуть гипотезу, что за монотеизмом стоит уникальная психологическая установка мышления — *эгоцентризм сознания*: есть только Я, только Мой подход, только Мое видение реальности и ничего другого. И далее познание оказывается во власти формулы: «Кто не с нами, тот против нас». Место дискуссии научных школ занимает антагонистическая борьба идеологий.

Риск монотеизма имеет прямое отношение к ряду дискуссий в контексте развития культурно-деятельностной психологии. Очень часто наши критики заявляют, что в деятельностном подходе А. Н. Леонтьева все редуцировано к категории деятельности. В этой связи можно вспомнить дискуссию А. Н. Леонтьева и Б. Ф. Ломова на тему «Общение или деятельность?». Однако в принятой нами оптике мы не рассматриваем ни общение, ни деятельность в онтологическом плане. Мы берем *деятельность как объяснительный принцип* и посредством ее анализируем речь, общение, познание, переживание, установку, сознание, личность, социальную группу (см., напр., [3; 14; 16; 21; 30; 42]).

Эти аксиомы и риски выступают как моменты познавательной ситуации, которые, на мой взгляд, важно учитывать при дальнейшей разработке **научно-исследовательской программы культурно-деятельностной психологии**.

В современной познавательной ситуации, характеризующейся возросшей ролью междисциплинарности, полипарадигмальности, смешанных методов и методологий, как никогда, настала необходимость отрефлектировать систему мышления, возникшую в прошлом веке и претендующую на роль одной из ведущих методологий коммуникации гуманитарного и естественного познания.

Под методологией в данной статье вслед за М. К. Мамардашвили [34] понимается «мышление о мышлении». Отмечу, что подобный конструкт используется в работах целого ряда авторов, в том числе Э. Г. Юдина [55], оказавшего большое влияние на развитие системно-деятельностной эпистемологии познания.

Тезисно обозначу ряд основополагающих пунктов, которые значимы для раскрытия горизонтов культурно-деятельностной психологии.

1. *Культурно-деятельностная психология* выступает сегодня в качестве особого **общественного движения мысли**. Таким образом, это не просто школа или научное направление, а одно из интеллектуальных движений XX и XXI вв. Среди подобных движений в психологии отметим психоаналитическое движение, гештальтпсихологию, бихевиоризм, гуманистическую психологию, экзистенциальную психологию, когнитивную психологию, а также ряд других направлений, определивших общую картину развития психологии. Эти социокультурные движения, если пользоваться схемой Л. С. Выготского, предложенной в его книге «Исторический смысл психологического кризиса» [17], достигли в широком смысле слова уровня ценностно-культурного мировоззрения, объединившего ученых самых разных направлений.
2. Эволюция всякого интеллектуального движения, особенно когда оно перерастает в социокультурное движение, несет в себе не только открывающиеся возможности, но и, как уже упоминалось выше, риски. Однако развитие и конструирование научного знания нередко выступает как **сфера управления рисками**. Это возвращает нас к следующей рефлексии. Какие идеологические, политические, социальные, когнитивные барьеры встречаются на пути культурно-деятельностного движения в наше время, порою называемое «текучей современностью» (З. Бауман)?
3. Переход в познавательной ситуации от идеала классической рациональности к идеалам неклассической и постнеклассической рациональности позволяет изменить ракурсы видения развития научных школ и интеллектуальных движений, способствует смещению фокуса внимания от **анализа текстов к анализу контекстов**, например к изучению полей мышления Л. С. Выготского и его учеников в качестве источников интеллектуального движения современной культурно-деятельностной междисциплинарной методологии научного познания.

Обсуждая *культурно-деятельностную психологию* в качестве методологии и особого интеллектуального движения, мы должны, прежде всего, обратиться к истокам этой концепции, а обратившись к ним, выделить своего рода *метахарактеристики культурно-деятельностной психологии как мировоззрения*. Они присущи культурно-деятельностной психологии и наиболее сконцентрированы в идеях и разработках Л. С. Выготского. Среди этих метахарактеристик отмечу следующие: **1)** либеральную мировоззренческую установку; **2)** диалогизм, открытость сознания и коммуникативную толерантность; **3)** многообразие мифопоэтического мышления; **4)** использование системного анализа в контексте общей методологии науки; **5)** приверженность историко-генетическому стилю мышления; **6)** умеренный социальный конструкционизм; **7)** проектирование социальных и культурных практик.

При анализе *культурно-деятельностной психологии* как либерального движения необходимо в качестве системы отсчета эксплицировать ценностные, мировоззренческие установки, исходно присущие научно-исследовательской программе школы Л. С. Выготского.

Культурно-деятельностная психология предстает при обращении к социальной биографии науки как в текстах наших учителей (см.: [4]), так и в ряде ценностных лозунгов как психология свободного человека в свободном обществе. Еще раз подчеркну, что не бывает развития науки вне ценностных оснований. Так, во Франции академиков называют «бессмертными»: бессмертными становятся те, чьи идеи пронизывают время. Идеи Л. С. Выготского, А. Р. Лурии, А. Н. Леонтьева доказали свое право на бессмертность именно в качестве социокультурного либерального движения. Напомню, что в ряде писем, а также в ранних работах 1916—1918 гг. Л. С. Выготский утверждал, что наука, в том числе психология и филология, должна освободиться от рабского стиля мышления.

В те тяжелые для развития нашей науки годы Л. С. Выготский также утверждал, что задача психологии — перейти от изучения безликих систем к анализу человека в сложности и богатстве его жизни: «...самое главное — сама жизнь — небо, солнце, любовь, люди, страдание. Это все не слова, это есть. Это подлинное. Это воткано в жизнь. Кризисы — это не временное состояние, а путь внутренней жизни. Когда мы от систем перейдем к судьбам... к рождению и гибели систем, мы увидим это воочию» [40. С. 94]. Эта формулировка Л. С. Выготского — переход от безликих систем к судьбам — невероятно важна, ибо она вводит категорию судьбы в аналитическое пространство психологии. И на этом я делаю особенный акцент — на необходимости рассмотрения не только научных текстов, но и тех полей анализа, в которых работал Л. С. Выготский. Так, в письме к Н. Г. Морозовой он продолжает развивать идеи гуманистической психологии, экзистенциальной психологии, психологии смысла, утверждая, что мы должны построить конкретную психологию свободного человека (см.: [44]).

Эти же идеи продолжают в разных идеологических контекстах развивать А. Н. Леонтьев и А. Р. Лурия. Обозначаю эти идеи, чтобы выявить их ценностные предпосылки. Так, А. Н. Леонтьев, характеризуя образование, предельно четко заявлял: нет ничего более опасного, чем превращение образования в фабрику общества сделанных голов. «Сделанная голова — это голова потерянная» [32. С. 278]. Обратим здесь внимание на ценностную характеристику: фабрика сделанных голов — это уникальный поэтический образ. В своих беседах с В. Ф. Тендряковым А. Н. Леонтьев говорил, что мы должны понять логику сопротивления и исследовать, как мы переходим от логики сопротивления к логике жизненного действия [2]. Это понимание, утверждение жизни, жизненного пути — яркий пример антирабской логики, присущей либеральному стилю мышления. А. Н. Леонтьев отмечал также важность противостояния конвейерной психологии. За этой идеей я усматриваю ценностный вектор развития культурно-деятельностной психологии.

До сих пор не утратили актуальности слова А. Н. Леонтьева, звучащие в его маленьких записках, в беседах с В. Ф. Тендряковым (в «Прогулочных беседах») [2], где он пишет о необходимости найти время, чтобы открыть личный смысл всех своих работ. В этой связи мой призыв — обратиться к анализу ценностных оснований культурно-деятельностного подхода — не случаен: нет науки без ценностных оснований. Именно поэтому подобный жанр анализа культурно-деятельностной психологии я рискнул назвать в ряде работ *социальной биографией культурно-деятельностной психологии* (см., напр., [4]).

Зададимся вопросом: почему возникали эти идеи? С самого начала линия Л. С. Выготского, связанная с педологией, заключалась в том, что психология понималась им как наука о конструировании изменчивости. И отсюда как аппарат конструирования изменчивости рождались и диагностика индивидуаль-

ных различий, и коррекция, и реабилитация, и развивающие программы. Отсюда же рождались мысли о необходимости синтеза интеллектуальных традиций и инноваций, где Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев и А. Л. Лурия придерживались формулы, что никогда не будут (и не были) Иванами, не помнящими родства. Сам стиль историко-генетического анализа идет от Л. С. Выготского, который, перефразируя П. П. Блонского, говорил: «...понять поведение — это значит понять развитие поведения». В данном случае мы видим, насколько перекликались и не были сектантскими подходы, рождавшиеся в то время. Тогда же переплетались судьбы и восприятия этих людей: так, Л. С. Выготский для представителей той эпохи воспринимался как поэтический человек.

«Психология искусства», первый вариант которой был написан им в 14 лет, уже была произведением, за которым проступает пласт *мифопоэтического мышления*. Мифопоэтическое мышление представляет собой совершенно особый тип рациональности. И в том эпистемологическом контексте, в котором М. К. Мамардашвили критиковал классический идеал рациональности, для нас высвечивается позитивная исследовательская программа, реализованная Л. С. Выготским с опорой на мифопоэтическое мышление. Его тексты отличает не столько когнитивный значенческий характер, сколько прежде всего *смысловая полифония*. И нам надо от значений, как любил говорить А. Н. Леонтьев, прорываться к смыслам, даже если эти смыслы сформулированы в этих текстах на разных языках того времени.

Так, недавно я анализировал текст «Педологические извращения Л. С. Выготского» (1937), где утверждается, что Л. С. Выготский стоял на позициях махизма. Сегодня же такую характеристику философской позиции Л. С. Выготского можно оценить как комплимент. Однако мы должны реконструировать то, как действия и тексты Л. С. Выготского воспринимались в ткани своего времени. Нередко Л. С. Выготский представал как странный человек, поэтический человек и аффективный человек. К образу Л. С. Выготского полностью приложима филологическая типология личности О. Э. Мандельштама, разделявшего поэтов на две категории: «значенцы» и «смысловики». По мысли Мандельштама, В. Я. Брюсов, скорее всего, значенец, а А. А. Ахматова и М. И. Цветаева, как и сам О. Э. Мандельштам, смысловики [35]. В своих воспоминаниях о встречах с Л. С. Выготским Н. Д. Мандельштам характеризует Л. С. Выготского как талантливое, яркое и вместе с тем *рационального* человека. Подобная характеристика отражает зависимость восприятия личности от ценностно-культурной системы отсчета, которой пользуется в данном случае либо поэт, либо ученый. Продолжая эту логику, для поэтов Выготский, скорее всего, значенец, а для ученых, скорее всего, поэт, «Моцарт в психологии», «Доктор Живаго» или «Дон Кихот» (см. об этом: [44; 47; 68]).

Также важно обратить внимание на то, что на первом этапе развития культурно-деятельностной психологии она искала для себя «имя», мучительно происходила ее самоидентификация. Это сегодня мы приписываем данной школе названия «культурно-деятельностная» и «культурно-историческая». (На неточность же такого названия указывали разные авторы, среди них: [18; 24; 53; 56 и др.])

Я же упомяну письмо Л. С. Выготского, написанное В. А. Вагнеру: «Владимир Александрович, Вы пишете, что Вам близки мои позиции и что Вам кажется, что я гештальтист. Это не совсем точно»¹. Иными словами, важно

¹ Следует также обратить внимание на предположение о возможном синтезе интеллектуальных традиций культурно-исторической психологии и гештальтпсихологии, развиваемое в работах А. Ясницкого [79; 80].

отрефлексировать, как в ту эпоху шли поиски имени нашей школы. Именно тогда Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, сталкиваясь с реальностью, приближались к пониманию психологии как науки об изменчивости живых систем. А что значит предложить науку об изменчивости живых систем? Это значит выступить против тоталитаризма и тем самым заявить, что каждый из нас имеет собственную неповторимую судьбу, что индивидуальностью трудно управлять.

Следует упомянуть, что в истории нашей советской державы еще одно социокультурное движение явилось латентным либеральным движением — это *тартуско-московская семиотическая школа*. Я имею в виду круг Ю. М. Лотмана, В. В. Иванова, блистательные работы И. А. Мельчука [37], Е. М. Мелетинского [36]. Это движение еще один пример культурного интеллектуального движения советского времени. Если мы сравним послесловие В. В. Иванова к изданию «Психологии искусства» 1960 г. и то, которое было написано им в сборнике «Одиссей» [24], то перед нами предстают два разных образа Л. С. Выготского: в одном говорится, что Л. С. Выготский сделал открытие более сильное, чем открытие ДНК Дж. Уотсона и Ф. Крика, — так пишет В. В. Иванов, цитируя Б. Бернштейна; в другом он же отмечает, что Л. С. Выготский предложил программу культурных кодов овладения поведением [24]. Отсюда мифопоэтичность — это всегда неопределенность, многозначность и полифоничность.

В этой связи обратим особое внимание, что Л. С. Выготский и его школа дают нам открытый дискурс в системе коммуникаций (ср. с книгой Н. С. Автономовой [1]). Они предоставляют возможность войти в эту школу, но не задают жестко какую-то определенную линию, тем самым сохраняя возможность диалога. Итак, я настаиваю: **диалогизм с другими концепциями есть одна из линий школы Л. С. Выготского**. Данному направлению изначально присуща коммуникативная рациональность. Такая открытость связана с либеральным стилем мировоззрения, и подобная открытость для нас самоценна.

Переходя к следующему, обозначенному в преддверии данной статьи пункту рассуждений, я хочу обратиться к схеме методологии науки Э. Г. Юдина, однако в несколько измененном варианте. При анализе науки мы выделяем уровень философской методологии мировоззренческого характера, где имеем дело не только с идеалами, в том числе с идеалами рациональности, но и с ценностными установками, а также с предельно общими философскими категориями вроде судьбы, детерминизма и т. д. Второй уровень — уровень общенаучной методологии, как правило, выступает для нас в виде системного анализа или синергетического подхода. Третий — уровень конкретно-научной методологии. Далее, как известно, следует уровень технологии, техники и методики исследования.

Я же считаю, что здесь требует особой рефлексии *переход от конкретно-научной методологии к теориям разного ранга*. Так, известный методолог науки и социолог Р. Мертон, анализируя учение Т. Парсонса о социальных действиях, писал, что необходимо создать теории среднего уровня, чтобы мы соединили теорию с практикой. Концепция Р. Мертона, посвященная анализу науки, в контексте которой был выделен ряд императивов научного этоса, вполне может послужить для анализа психологического знания. На высших уровнях теории, показывает Р. Мертон [38], нет ни одной признанной парадигмы. Иногда ученые и вовсе не стремятся к ее созданию.

Итак, используя посвященные анализу науки концепции Э. Г. Юдина и Р. Мертона, сформулируем нижеследующее. Когда мы говорим о школе Л. С. Выготского на уровне философии методологии, то выделяем в ней *либеральные мировоззренческие установки, мифопоэтическое мышление, переход от идеала классической рациональности к идеалу неклассической*. В данном случае я опираюсь также на работы М. К. Мамардашвили и В. С. Степина, предложившего в анализе эволюции научного знания деление на классическую, неклассическую и постнеклассическую рациональности. Эти типы рациональности имеют непосредственное отношение к пониманию происходящих в психологии событий.

Таким образом, я призываю обратиться к *саморефлексии нашей науки* (такой призыв, конечно, не нов — см., например, работы К. Джерджена [19; 65]). И в этом контексте обращение к мифопоэтическому мышлению позволяет нам избежать ловушек как классического типа рациональности, так и неклассического, а именно логики бинарных оппозиций «или-или». Является ли психология естественной наукой, *или* психология — гуманитарная наука; есть ли психология объяснительная наука, *или* психология — понимающая наука? По сути, идеал рациональности задает нам то, что довел до предела в своем анализе К. Леви-Стросс [29], — логику бинарных оппозиций. И здесь мы сталкиваемся со следующей опасностью, поскольку из логики «или-или» на мировоззренческом ценностном уровне возникает до боли знакомая формула: «Кто не с нами, тот против нас». Подобные идеологические лозунги, логика «или-или» в реальности противостоят методологическому конструктивному эклектизму как установке познания, позволяющей «сшить» разные картины мира.

Обратимся далее к уровню общенаучных принципов системного анализа. Оставив в стороне общие рассуждения о системном и системно-генетическом анализе, отмечу, что опыт построения системно-деятельностного подхода был необходимым в наших разработках, которые наиболее полно выражены в книге «Культурно-историческая психология и конструирование миров», а также в работах, где мною был эксплицирован историко-эволюционный подход [5; 7; 8; 9; 10 и др.]. Одним из первых исследователей, который вслед за А. Н. Леонтьевым отрефлектировал абсурдность противопоставления системного и деятельностного подходов, был Э. Г. Юдин [54]. Важно понимать, что историко-эволюционный и системно-деятельностный уровни анализа — это не противопоставление, а разные ракурсы исследуемой реальности. Мы берем логику историко-эволюционного подхода, логику системно-деятельностного подхода, которые не противоречат друг другу, а являются разными проекциями. Здесь уместно напомнить один из основных принципов историко-эволюционного подхода: *мир стремится к разнообразию* (см.: [57]). Стремление систем к разнообразию выделял гений неклассического познания Н. А. Бернштейн [12], утверждавший, что жизнь не есть адаптация, уравнивание или выживание, а стремление к неравновесию и преодолению энтропических эффектов.

Подчеркну, что на ценностном уровне для деятельностного подхода никогда не была характерна ценностная установка на выживание: у него всегда установка на жизнь, а не на выживание. Мы не выживаем ни в стране, ни в психологии — мы живем. Это совершенно разные установки и логики мышления.

При переходе к уровню конкретно-научной методологии перед нами открывается еще одно проблемное поле анализа. По сути дела, введение деятельности как объяснительного принципа — это мыслительная работа на уровне конкретно-научной методологии. Отошлю к анализу, который был дан в книге «Деятельность и установка» [3]).

Другой момент касается точности языка и доказывает, что *о терминах спорят*. В связи с этим в контексте восприятия культурно-деятельностной психологии важно обратить внимание на резкое отличие термина «формирование» от терминов «порождение», «построение», «преобразование», которые отражают дух культурно-деятельностной психологии как психологии социального конструкционизма. В этом контексте термин «порождение образа», часто используемый А. Н. Леонтьевым, является по своему значению синонимом термина «построение», используемого Н. А. Бернштейном [12] в его классической концепции построения движений. В зарубежных исследованиях подобные терминологические нюансы важны, например, для понимания общего методологического пространства идей А. Н. Леонтьева, Н. А. Бернштейна с идеями Ф. Бартлетта (Bartlett).

Итак, о терминах спорят. В этой же логике обращаясь к методологии психологии и диалогу с разными школами, в первую очередь с бихевиоризмом, мы вводим деятельность не как *опосредующее*, а как *опосредствующее* звено (не что-то «между», т. е. не «промежуточную переменную в стиле бихевиоризма»).

Задачу преодоления постулата непосредственности решали на уровне конкретно-научной методологии несколько мыслителей, и они ввели следующие принципы опосредствующего звена, которые выделил Д. Н. Узнадзе [48], но наиболее детально описал А. Н. Леонтьев:

- *там, где есть опосредствование, там нет субъекта и объекта, отсутствует субъектно-объектная оппозиция, реальность дана нам в единстве объективного и субъективного планов анализа;*
- *субстанция должна быть опосредствующей и принципом связи между физическим и психическим, и между двумя психическими рядами;*
- *само опосредующее звено не должно быть ни психическим, ни физическим, ни психофизиологическим явлением: деятельность сама по себе есть ни физическое, ни психофизиологическое, ни чисто психологическое явление;*
- *опосредствующая субстанция должна быть трансформатором, переводчиком событий внешнего мира и порождать события внутреннего мира;*
- *она (деятельность как опосредствующая субстанция) неаддитивна, неразложима на элементы;*
- *через нее осуществляется воздействие на субъективные явления, субъективные явления лишь через нее воздействуют на психический мир;*
- *эта субстанция — главное условие развития и поддержания жизни субъекта;*
- *она всегда должна предшествовать миру сознания (подробнее см. об этом [3]).*

Однако, когда мы ищем решение задачи преодоления постулата непосредственности на уровне конкретно-научной методологии, все эти принципы могут быть сформулированы не только в категориальном аппарате, центром которого является «деятельность», но они могут быть означены через категорию «установка» Д. Н. Узнадзе или категорию «бессознательное» З. Фрейда. Важно отметить, что обращение к этому уровню методологии науки позволяет нам увидеть связь различных школ и теорий и осуществить коммуникацию между ними.

На уровне конкретно-научной методологии также удастся рассмотреть связь с другими конкретными науками, в которых категория «деятельность» выступает как ключевая. Если в духе времени не ограничиваться дисциплинарными рамками психологической науки, то можно увидеть, что категория деятельности представлена, например, в экономике (см. книгу лауреата Нобелевской премии Г. Беккера [11], где приводится детальный анализ категории деятельности и ее использование). В этом же контексте может быть рас-

смотрена книга классика экономической науки Л. Мизеса [39], работы М. Вебера [15], предложившего в социологии разные концепции действия. Оптика уровня конкретно-научной методологии позволяет нам также выделить работы философа Ю. Хабермаса [51] — его теорию коммуникативных действий. Таким образом, в современной познавательной ситуации возникает *пространство коммуникации*, где присутствуют *ряд подходов и концепций, которые вводят разные проекции категории деятельности как базовой категории для конкретно-научной теории социологии, экономики, истории* и т. д. Иными словами, при обращении к конкретно-научному уровню методологии науки мы обнаруживаем потенциал культурно-деятельностной психологии как пространства диалога с другими концепциями, школами и подходами.

Обсуждая уровни общенаучного и конкретно-научного анализа, я хотел бы вспомнить известное деление Л. С. Выготского на два типа методологии науки: *панцирную методологию* и *скелетную методологию*. Панцирная методология, согласно Л. С. Выготскому, представляет собой домик на плечах улитки — его можно скинуть и двигаться дальше, скелетная же методология пронизывает единую логику культурно-деятельностного подхода. По сути дела, «скелетными» в организме культурно-деятельностной психологии и методологии являются следующие планы анализа различной феноменологии [17]: **1) генетический, историко-генетический; 2) структурный; 3) функциональный.**

В дальнейшем последователи Л. С. Выготского, порой даже не рефлексировав этого, использовали эти планы анализа в самых различных исследованиях. Обращение к этим планам анализа — общая черта данной научной школы. В связи с этим какие бы ни велись в дальнейшем дискуссии интерпретаторами творчества Л. С. Выготского, содержащие попытки противопоставления культурно-исторической психологии и деятельностного подхода в психологии в стиле Л. С. Выготский vs А. Н. Леонтьева, нам следует обратить исследовательскую оптику в сторону не панцирной, а *скелетной методологии*. Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, П. Я. Гальперин, несмотря на концептуальное разнообразие, связанное с их собственными теоретическими поисками, работали с упомянутой триадой: *генезис, структура, функционирование*. Подчеркну, что вышеназванная методологическая логика объединяет нашу школу и в прошлом, и в настоящем. Более того, предложенный А. Н. Леонтьевым структурный план анализа в системно-деятельностном подходе, нацеленный на изучение «морфологии деятельности», не следует упрощенно трактовать, редуцируя его к хрестоматийному описанию структуры деятельности: деятельность, действие, операция. Вводя деятельностный анализ, чтобы понять развитие значений, он вслед за Л. С. Выготским прорывается от сознания к жизни (см. седьмую главу «Мышления и речи», где говорится, что за мышлением и сознанием открывается мотивация, открывается жизнь). Открыть за сознанием жизнь — это и означает открыть «поток деятельности», порождающий сознание, порождающий личность. Этот интеллектуальный ход проделывают А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина, рассматривая *деятельность как единицу жизни*. При обращении к деятельности как к единице жизни, порождающей личность, перед нами открываются перспективы исследования смысловых образований личности [41], психологии переживаний [14], персонологии [43], пространство коммуникации деятельностного подхода и экзистенциальной психологии, психологии смысла [33].

В контексте культурно-деятельностной психологии также следует отрефлексировать методологические планы анализа как особые способы мышления, присущие интеллектуальному стилю А. Н. Леонтьева [31].

Первый, *мотивационно-ценностный смысловой план анализа* приводит нас к исследованию личности в процессе движения потока деятельностей, к поискам ответа на вопрос: «ради чего» совершаются те или иные дела, деяния и поступки? По существу, речь идет о выделении *мотивационного анализа* как способа мышления в психологической науке.

Второй план анализа на уровне скелетной методологии — это *интенциональный план анализа*, который особенно четко проявляется при изучении действий как единиц анализа деятельности.

Третий, *операционально-технологический, или инструментальный, план анализа* позволяет выделить различные средства, способы действия, операции, которые используются при решении самых разных задач.

И наконец, четвертый план анализа — это *ресурсный план анализа*, дающий нам возможность обратиться к пониманию психофизиологических механизмов реализации деятельности, а также к микроструктурному анализу деятельности (см., напр., [22]) и т. д. Через обращение к ресурсному плану анализа деятельности открывается перспектива диалога психологии с комплексом биологических наук.

При выделении разных методологических планов анализа в культурно-деятельностном подходе замечу, что именно *оптика планов анализа деятельности* помогает увидеть различные психологические концепции и подходы, с которыми возможен продуктивный диалог на основании поиска общих точек пересечения, совпадения теоретических исследовательских полей и т. п. Например, при раскрытии коммуникативного потенциала мотивационно-смыслового плана анализа возникает перспектива диалога с экзистенциальной психологией, а также рефлексии деятельностно-смыслового подхода как одного из ответвлений культурно-деятельностной психологии.

Обсуждая мотивационно-смысловой и ценностные планы анализа, хотелось бы также обратить внимание на следующие методологические ходы и исследования. Семантика «мотивационно-смысловой план анализа» позволяет, как это отмечал Ф. Е. Василюк [14], уйти от абстракции одной деятельности к анализу потоков деятельности. И в этом же ключе разрабатываются смысловые концепции индивидуальности, представленные в работах Б. С. Братуся [13], Д. А. Леонтьева [33], В. А. Иванникова [23], А. У. Хараша [52], а также в нашем цикле исследований по психологии развития личности. Мотивационно-смысловой план анализа также позволил реализовать разработки концепции переживаний [14], концепции смысловых установок личности [3], концепции отраженной субъектности [43] и др.

При обращении к интенционально-целевому плану анализа становится более осязаемой связь деятельностного подхода в первую очередь с теорией преднамеренных действий К. Левина, с его экспериментальными исследованиями динамики квазипотребностей, феномена прерванных действий, уровня притязаний и т. п., а также с интенциональной психологией Ф. Брентано и ее современными вариантами развития.

При рассмотрении операционально-технологического плана анализа как методологического инструмента культурно-деятельностной психологии с очевидностью обнажается связь с разными направлениями когнитивной психологии развития. Так, теория поэтапного формирования умственных действий, которую разрабатывал П. Я. Гальперин и продолжает разрабатывать Н. Ф. Талызина, помогла построить мост с культурными практиками и технологиями современного образования. Потенциал концепции развивающего обучения Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова, теории поэтапного форми-

рования умственных действий П. Я. Гальперина и Н. Ф. Талызиной, теория миров детства Д. И. Фельдштейна — это потенциалы концепций, которые меняют современную практику образования. Вся логика модернизации образования изменяется, если мы понимаем его как *ведущую социальную деятельность общества* [9]. Помимо этого вышеназванные исследования наиболее явно выражают конструктивистский характер культурно-деятельностной психологии, ее связь с разными вариантами методологии конструктивизма (Ж. Пиаже) и социального конструкционизма (К. Герген). Обсуждая деятельностный подход в качестве родственника социального конструкционизма, сошлюсь на высказывание немецкого ученого С. Квале: «В некотором смысле советская культурно-историческая школа после Выготского и теория деятельности Леонтьева и Давыдова близки к социальному конструктивизму, особенно в диалектических отношениях человека и мира и исторической и культурной обусловленности деятельности» [69. Р. 46].

И наконец, при развертывании коммуникативного потенциала ресурсного плана анализа открывается перспектива продуктивных контактов с ресурсными подходами к изучению внимания, памяти, в том числе с исследованиями современного классика Д. Канемана.

Ресурсный подход — это возможность методологического соединения концепции Н. А. Бернштейна, уровней построения движений и того, что делал в области нейропсихологии А. Р. Лурия, а также рефлексии связи идей Н. А. Бернштейна с идеями А. А. Ухтомского о функциональном органе и о хронотопе. На наш взгляд, дальнейшее развитие деятельностно-операционального и деятельностно-ресурсного подходов позволит выделить особую линию, которую можно было бы назвать *когнитивной психологией активности* (так интерпретируют следующие работы [20; 49; 67]).

В завершение обращусь к связи культурно-деятельностного подхода с социальными и культурными практиками, в которых выражена методологическая установка социального конструктивизма. Эти практики исторически связаны с педологией, психотехникой, психоанализом и психотерапией (см., например, исследования А. А. Пузыря [46], С. В. Кривцовой и Г. М. Нигметжановой [27]).

Важно еще раз отметить, что, опираясь на культурно-деятельностную методологию, мы переходим к совершенно иному пласту создания практики образования. Так, именно в контексте системно-деятельностного подхода была построена концепция универсальных учебных действий в качестве основы для нового поколения введенных стандартов (см.: [28]).

Напомню, что эпиграфом к работе Л. С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса», написанной в 1926 г., служат строчки из Библии: «Камень, который презрели строители, стал во главу угла...» [17. С. 291]. Исторический смысл кризиса культурно-деятельностной психологии состоит в том, что этот кризис представляет собой *кризис развития*, а не кризис распада. И как в далекие 1920-е гг. социальная практика, реализующая методологию культурно-деятельностной психологии и социального конструктивизма, становится «во главу угла».

The past, present and future of cultural activity approach as a methodology for applying for the integration of humanitarian and scientific, psychotechnical and theoretical knowledge. It is suggested that the meaning of the historical crisis of cultural-activity in psychology reflection further prospects of development, bridging the gap between classic and contemporary. Shows the role of socio-cultural constructs-activity methodology.

Keywords: methodology, history of science, the crisis in psychology, cultural activity approach, social constructivism.

Литература

1. *Автономова, Н. С.* Открытая структура : Якобсон — Бахтин — Лотман — Гаспаров / Н. С. Автономова. — М. : РОССПЭН, 2009.
Avtonomova, N. S. Otkrytaja struktura : Jakobson — Bahtin — Lotman — Gasparov / N. S. Avtonomova. — М. : ROSSPJeN, 2009.
2. А. Н. Леонтьев и современная психология : сб. ст. памяти А. Н. Леонтьева. — М. : МГУ, 1983.
A. N. Leont'ev i sovremennaja psihologija : sb. st. pamjati A. N. Leont'eva. — М. : MGU, 1983.
3. *Асмолов, А. Г.* Деятельность и установка / А. Г. Асмолов. — М. : МГУ, 1979.
Asmolov, A. G. Dejatel'nost' i ustanovka / A. G. Asmolov. — М. : MGU, 1979.
4. *Асмолов, А. Г.* Социальная биография культурно-исторической психологии / А. Г. Асмолов // Этюды по истории поведения : Обезьяна. Прimitив. Ребенок / Л. С. Выготский, А. Р. Лурия. — М., 1993. — С. 3—18.
Asmolov, A. G. Social'naja biografija kul'turno-istoricheskoi psihologii / A. G. Asmolov // Jetjudy po istorii povedenija : Obez'jana. Primitiv. Rebenok / L. S. Vygotskij, A. R. Lurija. — М., 1993. — S. 3—18.
5. *Асмолов, А. Г.* Историко-эволюционный подход в психологии личности : дис. ... д-ра психол. наук / А. Г. Асмолов. — М., 1996.
Asmolov, A. G. Istoriko-jevoljucionnyj podhod v psihologii lichnosti : dis. ... d-ra psihol. nauk / A. G. Asmolov. — М., 1996.
6. *Асмолов, А. Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров психологии / А. Г. Асмолов. — М. : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1996.
Asmolov, A. G. Kul'turno-istoricheskaja psihologija i konstruirovanie mirov psihologii / A. G. Asmolov. — М. : In-t prakt. psihologii ; Voronezh : MODJeK, 1996.
7. *Асмолов, А. Г.* По ту сторону сознания : Методологические проблемы неклассической психологии / А. Г. Асмолов. — М. : Смысл, 2002.
Asmolov, A. G. Po tu storonu soznanija : Metodologicheskie problemy neklassicheskoi psihologii / A. G. Asmolov. — М. : Smysl, 2002.
8. *Асмолов, А. Г.* Психология личности : Культурно-историческое понимание человека психологии / А. Г. Асмолов. — М. : Смысл, 2007.
Asmolov, A. G. Psihologija lichnosti : Kul'turno-istoricheskoe ponimanie cheloveka psihologii / A. G. Asmolov. — М. : Smysl, 2007.
9. *Асмолов, А. Г.* Историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров : деятельность как существование / А. Г. Асмолов // Вопр. психологии. — 2008. — № 5. — С. 3—11.
Asmolov, A. G. Istoriko-jevoljucionnaja paradigma konstruirovanija raznobrazija mirov : dejatel'nost' kak sushhestvovanie / A. G. Asmolov // Vopr. psihologii. — 2008. — № 5. — S. 3—11.
10. *Асмолов, А. Г.* Стратегия социокультурной модернизации образования : на пути к преодолению кризиса идентичности и построения гражданского общества / А. Г. Асмолов // Вопр. образования. — 2008. — № 1. — С. 65—86.
Asmolov, A. G. Strategija sociokul'turnoj modernizacii obrazovanija : na puti k preodoleniju krizisa identichnosti i postroenija grazhdanskogo obshhestva / A. G. Asmolov // Vopr. obrazovanija. — 2008. — № 1. — S. 65—86.
11. *Беккер Г.* Человеческое поведение : экономический подход / Г. С. Беккер // Избр. тр. по экон. теории. — М., 2003.
Bekker G. Chelovecheskoe povedenie : jekonomicheskij podhod / G. S. Bekker // Izbr. tr. po jekon. teorii. — М., 2003.
12. *Бернштейн, Н. А.* О построении движений / Н. А. Бернштейн. — М. : Гос. изд-во мед. лит., 1947.
Bernshtejn, N. A. O postroenii dvizhenij / N. A. Bernshtejn. — М. : Gos. izd-vo med. lit., 1947.
13. *Братусь, Б. С.* Аномалии личности / Б. С. Братусь. — М. : Мысль, 1988.
Bratus', B. S. Anomalii lichnosti / B. S. Bratus'. — М. : Mysl', 1988.
14. *Василюк, Ф. Е.* Психология переживания / Ф. Е. Василюк. — М. : МГУ, 1984.
Vasiljuk, F. E. Psihologija perezhivanija / F. E. Vasiljuk. — М. : MGU, 1984.
15. *Вебер, М.* Избранные произведения / М. Вебер. — М. : Прогресс, 1990.
Veber, M. Izbrannye proizvedenija / M. Veber. — М. : Progress, 1990.
16. *Вилюнас, В. К.* Психология эмоциональных явлений / В. К. Вилюнас. — М. : МГУ, 1976.
Viljunas, V. K. Psihologija jemocional'nyh javlenij / V. K. Viljunas. — М. : MGU, 1976.
17. *Выготский, Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса / Л. С. Выготский // Собр. соч. : в 6 т. — М., 1982. — Т. 1. — С. 291—436.
Vygotskij, L. S. Istoricheskij smysl psihologicheskogo krizisa / L. S. Vygotskij // Sobr. soch. : v 6 t. — М., 1982. — T. 1. — S. 291—436.
18. *Гусельцева, М. С.* Культурная психология : методология, история, перспективы / М. С. Гусельцева. — М. : Прометей, 2007.
Gusel'ceva, M. S. Kul'turnaja psihologija : metodologija, istorija, perspektivy / M. S. Gusel'ceva. — М. : Prometej, 2007.

19. *Джерджен, К.* Социальный конструкционизм: знание и практика / К. Джерджен. — Минск : БГУ, 2003.
- Dzherdzhen, K.* Social'nyj konstrukcionizm: znanie i praktika / K. Dzherdzhen. — Minsk : BGU, 2003.
20. *Дормашев, Ю. Б.* Психология внимания / Ю. Б. Дормашев, В. Я. Романов. — М. : Тривола, 1995.
- Dormashev, Ju. B.* Psihologija vnimanija / Ju. B. Dormashev, V. Ja. Romanov. — M. : Trivola, 1995.
21. *Зинченко, В. П.* Функциональная структура действия / В. П. Зинченко, Н. Д. Гордеева. — М. : МГУ, 1982.
- Zinchenko, V. P.* Funkcional'naja struktura dejstvija / V. P. Zinchenko, N. D. Gordeeva. — M. : MGU, 1982.
22. *Зинченко, В. П.* Образ и деятельность / В. П. Зинченко. — М. : Ин-т практ. психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1997.
- Zinchenko, V. P.* Obraz i dejatel'nost' / V. P. Zinchenko. — M. : In-t prakt. psihologii ; Voronezh : MODJeK, 1997.
23. *Иванников, В. А.* Психологические механизмы волевой регуляции / В. А. Иванников. — М. : МГУ, 1991.
- Ivannikov, V. A.* Psihologicheskie mehanizmy volevoj reguljicii / V. A. Ivannikov. — M. : MGU, 1991.
24. *Иванов, В. В.* Культурная антропология и история культуры / В. В. Иванов // *Одиссей : Человек в истории.* — М., 1989. — С. 11—16.
- Ivanov, V. V.* Kul'turnaja antropologija i istorija kul'tury / V. V. Ivanov // *Odissej : Chelovek v istorii.* — M., 1989. — S. 11—16.
25. *Иванов, В. В.* Потом и опытом : [сб. стихотворений, статей, эссе и переводов] / В. В. Иванов. — М., 2009.
- Ivanov, V. V.* Potom i opytom : [sb. stihotvorenij, statej, jesse i perevodov] / V. V. Ivanov. — M., 2009.
26. *Кассирер, Э.* Избранное. Опыт о человеке / Э. Кассирер. — М. : Гардарика, 1998.
- Kassirer, Je.* Izbrannoe. Opyt o cheloveke / Je. Kassirer. — M. : Gardarika, 1998.
27. *Кривцова, С. В.* Новые феномены детства и экзистенциально-аналитическая психология образования / С. В. Кривцова, Г. К. Нигметжанова // *Акад. вестн.* — 2013. — № 4. — С. 3—7.
- Krivcova, S. V.* Novye fenomeny detstva i jekzistencial'no-analiticheskaja psihologija obrazovanija / S. V. Krivcova, G. K. Nigmatzhanova // *Akad. vestn.* — 2013. — № 4. — S. 3—7.
28. Культурно-историческая системно-деятельностная парадигма проектирования стандартов школьного образования / А. Г. Асмолов [и др.] // *Вопр. психологии.* — 2007. — № 4. — С. 16—23.
- Kul'turno-istoricheskaja sistemno-dejatel'nostnaja paradigma proektirovanija standartov shkol'nogo obrazovanija / A. G. Asmolov [i dr.] // Vopr. psihologii.* — 2007. — № 4. — S. 16—23.
29. *Леви-Стросс, К.* Мифологии: сырое и приготовленное / К. Леви-Стросс. — М. : Флюид, 2006.
- Levi-Stross, K.* Mifologiki: syroe i prigotovlennoe / K. Levi-Stross. — M. : Fljuid, 2006.
30. *Леонтьев, А. А.* Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность) / А. А. Леонтьев. — М. : Смысл, 2001.
- Leont'ev, A. A.* Dejatel'nyj um (Dejatel'nost', Znak, Lichnost') / A. A. Leont'ev. — M. : Smysl, 2001.
31. *Леонтьев, А. Н.* Из дневниковых записей / А. Н. Леонтьев // *Избр. психол. произведения : в 2 т.* — М., 1983. — Т. 2. — С. 243—246.
- Leont'ev, A. N.* Iz dnevnikovyh zapisej / A. N. Leont'ev // *Izbr. psihol. proizvedenija : v 2 t.* — M., 1983. — T. 2. — S. 243—246.
32. *Леонтьев, А. Н.* Психология 2000 года / А. Н. Леонтьев // *Философия психологии.* — М., 1994. — С. 277—278.
- Leont'ev, A. N.* Psihologija 2000 goda / A. N. Leont'ev // *Filosofija psihologii.* — M., 1994. — S. 277—278.
33. *Леонтьев, Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. — 2-е изд., испр. — М. : Смысл, 2003.
- Leont'ev, D. A.* Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti / D. A. Leont'ev. — 2-e izd., ispr. — M. : Smysl, 2003.
34. *Мамардашвили, М. К.* Беседы о мышлении [Электронный ресурс] : из курса лекций в Тбилиском государственном университете, 1986—1987 гг. / М. К. Мамардашвили. — Режим доступа: <http://mamardashvili.com/audio/thinking.html>
- Mamardashvili, M. K.* Besedy o myshlenii [Elektronnyj resurs] : iz kursa lekcij v Tbilisskom gosudarstvennom universitete, 1986—1987 gg. / M. K. Mamardashvili. — Rezhim dostupa: <http://mamardashvili.com/audio/thinking.html>
35. *Мандельштам, Н. Я.* Воспоминания / Н. Я. Мандельштам. — М. : Согласие, 1999.
- Mandel'shtam, N. Ja.* Vospominanija / N. Ja. Mandel'shtam. — M. : Soglasie, 1999.

36. *Мелетинский, Е. М.* Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. — М. : Наука, 1976.
Meletinskij, E. M. Pojetika mifa / E. M. Meletinskij. — М. : Nauka, 1976.
37. *Мельчук, И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл-Текст» / И. А. Мельчук. — М. : Языки русской культуры, 1999.
Mel'chuk, I. A. Opyt teorii lingvisticheskikh modelej «Smysl-Tekst» / I. A. Mel'chuk. — М. : Jazyki russkoj kul'tury, 1999.
38. *Мертон, Р. К.* Социальная теория и социальная структура / Р. К. Мертон. — М. : АСТ, 2006.
Merton, R. K. Social'naja teorija i social'naja struktura / R. K. Merton. — М. : AST, 2006.
39. *Мизес, Л.* Человеческая деятельность : трактат по экономической теории / Л. Мизес. — Челябинск : Социум, 2005.
Mizes, L. Chelovecheskaja dejatel'nost' : traktat po jekonomicheskoj teorii / L. Mizes. — Cheljabinsk : Socium, 2005.
40. Нельзя жить, не осмысливая духовно жизнь : письма Л.С. Выготского к ученикам и соратникам / публ. А. А. Пузырея // Знание — сила. — 1990. — № 7. — С. 93—94.
 Nel'zja zhit', ne osmyslivaja duhovno zhizn' : pis'ma L.S. Vygotskogo k uchenikam i soratnikam / publ. A. A. Puzyreja // Znanie — sila. — 1990. — № 7. — S. 93—94.
41. О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности / А. Г. Асмолов [и др.] // Вопр. психологии. — 1979. — № 4.
 O nekotoryh perspektivah issledovanija smyslovyh obrazovanij lichnosti / A. G. Asmolor [i dr.] // Vopr. psihologii. — 1979. — № 4.
42. *Петровский, А. В.* Личность. Деятельность. Коллектив / А. В. Петровский. — М. : Политиздат, 1982.
Petrovskij, A. V. Lichnost'. Dejatel'nost'. Kollektiv / A. V. Petrovskij. — М. : Politizdat, 1982.
43. *Петровский, В. А.* Личность в психологии: парадигма субъектности / В. А. Петровский. — Ростов н/Д : Феникс, 1996.
Petrovskij, V. A. Lichnost' v psihologii: paradigma sub#ektnosti / V. A. Petrovskij. — Rostov n/D : Feniks, 1996.
44. *Пузырей, А. А.* Культурно-историческая теория Л. С. Выготского и современная психология / А. А. Пузырей. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986.
Puzyrej, A. A. Kul'turno-istoricheskaja teorija L. S. Vygotskogo i sovremennaja psihologija / A. A. Puzyrej. — М. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1986.
45. *Пузырей, А. А.* Психология. Психотехника. Психагогика / А. А. Пузырей. — М. : Смысл, 2005.
Puzyrej, A. A. Psihologija. Psihotehnika. Psihagogika / A. A. Puzyrej. — М. : Smysl, 2005.
46. *Рейф, И.* Гении и таланты. Трое советских ученых в зеркале советской судьбы / И. Рейф. — М. : Права человека, 2007.
Rejf, I. Genii i talanty. Troe sovetских uchenyh v zerkale sovetской sud'by / I. Rejf. — М. : Prava cheloveka, 2007.
47. *Тулмин, С.* Моцарт в психологии / С. Тулмин // Вопр. философии. — 1981. — № 10. — С. 127—137.
Tulmin, S. Mocart v psihologii / S. Tulmin // Vopr. filosofii. — 1981. — № 10. — S. 127—137.
48. *Узнадзе, Д. Н.* Философия. Психология. Педагогика: наука о психической жизни / Д. Н. Узнадзе. — М. : Смысл, 2014.
Uznadze, D. N. Filosofija. Psihologija. Pedagogika: nauka o psihicheskoj zhizni / D. N. Uznadze. — М. : Smysl, 2014.
49. *Фаликман, М. В.* Взаимосвязь когнитивного и двигательного развития в детском возрасте: сравнительный анализ синдрома дефицита внимания/гиперактивности и синдрома нарушения координации / М. В. Фаликман // Аутизм и нарушения развития. — 2006. — № 1. — С. 29—41.
Falikman, M. V. Vzaimosvjaz' kognitivnogo i dvigatel'nogo razvitija v detskom vozraste: sravnitel'nyj analiz sindroma deficita vnimanija/giperaktivnosti i sindroma narushenija koordinacii / M. V. Falikman // Autizm i narushenija razvitija. — 2006. — № 1. — S. 29—41.
50. *Фрумкина, Р.* Культурно-историческая психология Выготского — Лурья [Электронный ресурс] / Р. Фрумкина. — Режим доступа: http://royallib.ru/book/frumkina_revekka/kulturno_istoricheskaya_psihologiya_vygotskogo_luriya.html
Frumkina, R. Kul'turno-istoricheskaja psihologija Vygotskogo — Luriya [Elektronnyj resurs] / R. Frumkina. — Rezhim dostupa: http://royallib.ru/book/frumkina_revekka/kulturno_istoricheskaya_psihologiya_vygotskogo_luriya.html
51. *Хабермас, Ю.* Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. — М. : Весь мир, 2003.
Habermas, Ju. Filosofskij diskurs o moderne / Ju. Habermas. — М. : Ves' mir, 2003.
52. *Хараш, А. У.* Психология одиночества [Электронный ресурс] / А. У. Хараш // Педология: новый век. — 2000. — № 4. — Режим доступа: <http://incognita.avtor.ws/poznavatelnoe/psihologiya/psihologiya-odinochestva-a-u-harash/>
Harash, A. U. Psihologija odinochestva [Elektronnyj resurs] / A. U. Harash // Pedologija: novyj vek. — 2000. — № 4. — Rezhim dostupa: <http://incognita.avtor.ws/poznavatelnoe/psihologiya/psihologiya-odinochestva-a-u-harash/>
53. *Шкуратов, В. А.* Историческая психология / В. А. Шкуратов. — Ростов н/Д : Город N, 1994.

- Shkuratov, V. A.* Istoricheskaja psihologija / V. A. Shkuratov. — Rostov n/D : Gorod N, 1994.
54. *Юдин, Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности / Э. Г. Юдин. — М. : Наука, 1978.
- Judin, Je. G.* Sistemnyj podhod i princip dejatel'nosti / Je. G. Judin. — М. : Nauka, 1978.
55. *Юдин, Э. Г.* Методология науки. Системность. Деятельность / Э. Г. Юдин. — М. : УРСС, 1997.
- Judin, Je. G.* Metodologija nauki. Sistemnost'. Dejatel'nost' / Je. G. Judin. — М. : URSS, 1997.
56. *Ярошевский, М. Г. Л. С.* Выготский и марксизм в советской психологии / М. Г. Ярошевский // Психол. журн. — 1992, № 5. — С. 84—99.
- Jaroshevskij, M. G. L. S.* Vygotskij i marksizm v sovetskoj psihologii / M. G. Jaroshevskij // Psihol. zhurn. — 1992, № 5. — S. 84—99.
57. *Ashby, W.* Principles of the Self-Organizing Dynamic System / W. Ashby // J. of General Psychology. — 1947. — Vol. 37. — P. 125—128.
58. Building Activity Theory in Practice: toward the next generation / ed. by K. Yamazumi. — Osaka : Kansai University Press, 2006.
59. *Daniels, H.* Vygotsky and Pedagogy / H. Daniels. — London : Routledge, 2001.
60. *Daniels, H.* An Introduction to Vygotsky / H. Daniels. — second ed. — London : Routledge, 2005.
61. *Daniels, H.* Vygotsky and Research / H. Daniels. — London : Routledge, 2008.
62. *Engeström, Y.* From teams to knots : Activity-theoretical studies of collaboration and learning at work / Y. Engeström. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008.
63. *Engeström Y.* The future of activity theory : A rough draft / Y. Engeström // Learning and expanding with activity theory / A. Sannino [et al.]. — Cambridge, 2009. — P. 303—328.
64. Essays in General. Psychology. Seven Danish Contributions presented to Henrik Poulsen / ed. by N. Engelsted [et al.]. — Aarhus University Press, 1989.
65. *Gergen, K. J.* Realities and relationships : Soundings in social construction / K. J. Gergen. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1994.
66. *Hedegaard, M.* Activity theory and social practice : Cultural-historical approaches / M. Hedegaard, S. Chaiklin. — Aarhus, Denmark : Aarhus University Press, 1999.
67. *Kapelinin, V.* Acting with technology: activity theory and interaction design / V. Kapelinin, B. A. Nardi. — Cambridge, MA : MIT Press, 2006.
68. *Kozulin, A.* Psychology in Utopia : Toward a Social History of Soviet Psychology / A. Kozulin. — Cambridge, MA : MIT-Press, 1984.
69. *Kvale S.* Postmodern psychology : A contradiction in terms? / A. Kvale // Psychology and postmodernism / ed. by S. Kvale. — London, 1994. — P. 31—57.
70. Learning and expanding with activity theory / A. Sannino [et al.]. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
71. The Cambridge Companion to Vygotsky / ed. by H. Daniels [et al.]. — N. Y. : Cambridge University Press, 2007.
72. The Cambridge Handbook of Sociocultural Psychology / ed. by J. Valsiner, A. Rosa. — Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
73. The Oxford Handbook of Culture and Psychology / ed. by J. Valsiner. — N. Y. : Oxford University Press, 2012.
74. The Transformation of Learning : Advances in cultural-historical activity theory / B. van Oers [et al.]. — Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
75. *Valsiner, J.* The Social Mind : Construction of the Idea / J. Valsiner, R. Van der Veer. — Cambridge, MA : Cambridge University Press, 2000.
76. *Veer, R. Van der.* Understanding Vygotsky : A Quest for Synthesis [Electronic resources] / R. Van der Veer, J. Valsiner. — Cambridge, MA : Blackwell, 1991. — Mode of access: <https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/10170>
77. *Veer, R. Van der.* Lev Vygotsky / R. Van der Veer. — London : Continuum International Publishing Group, 2007.
78. Vygotsky's Educational Theory in Cultural Context [Electronic resources] / ed. by A. Kozulin [et al.]. — Cambridge : Cambridge University Press, 2007. — Mode of access: http://bilder.buecher.de/zusatz/21/21628/21628130_lese_1.pdf
79. Yasnitsky, A. К истории культурно-исторической гештальтпсихологии : Выготский, Лурия, Коффа, Левин и др. / A. Yasnitsky // PsyAnima, Dubna Psychological Journal. — 2012. — Vol. 5. — P. 60—97.
80. *Yasnitsky, A.* Revisionist Revolution in Vygotskian Science : Toward Cultural-Historical Gestalt Psychology [Electronic resources] / A. Yasnitsky // Journal of Russian and East European Psychology. — 2012. — Vol. 50. — P. 3—15. — Mode of access: http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20%282010%29.%20Arch_Rev.pdf